

УДК94(47).083

DMITRIY ANDREEVICH BARINOV

*Ph.D in History, Researcher, Institute of History,
Saint Petersburg State University,
199034, Russian Federation, Saint Petersburg, Mendeleevskaya line, 5.
E-mail: barinovdima1990@yandex.ru*

The crisis of high school in 1911, historiography of the problem

The high school crisis of the 1911 – is one of the most remarkable occasions in the Russia's inside politics in the period between two revolutions. The faculty staff, democratic students as well as the Ministry of Education were involved in this process. In addition, each of the parties was opposed to the other two. However, despite the importance of this event, the research interest emerged rather late – in the 60–70s of the 20th century. The article presents an attempt to explain such a late rise of the historiography tradition, and also considers the most significant works, dedicated to the events of the 1911.

Keywords: *high school, crisis of 1911, Kasso case, student movement.*

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ БАРИНОВ

*Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
E-mail: barinovdima1990@yandex.ru*

Кризис высшей школы 1911 г. – одно из наиболее заметных событий внутривнутриполитической жизни России межреволюционного периода. В него были активно вовлечены профессорско-преподавательский состав, демократической студенчество и министерство народного просвещения. При этом каждая из сторон была настроена против двух остальных. Однако, несмотря на важность этого события, исследовательский интерес к нему возник достаточно поздно – в 60–70-е гг. XX века. В статье дается попытка объяснить столь позднее возникновение историографической традиции, а также рассматриваются наиболее крупные работы, посвященные событиям 1911 г.

Ключевые слова: *высшая школа, высшее образования, кризис 1911 г., дело Кассо, студенческое движение.*

Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии*

Студенческие волнения, начавшиеся в конце 1910 г., к началу 1911 г. распространились практически на все крупные университетские города Российской империи. От других подобных выступлений рубежа веков события 1911 г. отличались беспрецедентным количеством участников, а также тем фактом, что это была первая крупная конфронтация автономного университета с министерством народного просвещения. Кульминацией кризиса стало полугодичное закрытие столичных университетов, а также принятие коллективной отставки преподавателей и профессоров Московского университета.

В ходе развернувшихся событий произошло столкновение различных групп, придерживавшихся враждебных друг другу политических взглядов, – радикального студенчества, либеральной профессуры и консервативного министерства во главе с Л.А. Кассо, при этом каждая из сторон конфликта с разной степенью активности противостояла двум другим. Глубина кризиса высшей школы, обнаружившего серьезные политические противоречия, а также коренные различия в идеологии их участников, определили большой интерес к этой теме со стороны исследователей и публицистов.

Задачей настоящего историографического очерка является определение основных сюжетов, интересовавших специалистов по данной теме, выявление историографическую традицию изучения кризиса 1911 г., а также определение дальнейшей перспективы его изучения.

***

Реакция периодической печати различных политических направлений на события постепенно эволюционировала. На первых этапах кризиса (в январе 1911 г.) либеральные издания обращались прежде всего к событиям внутриуниверситетской жизни, избегая давать комментарии политического характера, в то время как правые и левые рассматривали случившееся именно как политический конфликт. В разгар кризиса (конец января – начало февраля) либералы и вовсе дистанцировались от его темы, даже несмотря на яркий поступок, связанный с отставкой преподавателей Московского университета. Правые же и левые смотрели на кризис как на эпизод рево-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Кризис высшей школы 1911 года», проект №17-01-00222.

люционной борьбы, однако, первые, естественно, хотели радикального усмирения протестовавших, вторые – радикализации борьбы. С окончанием же кризиса, отмечается в обзорной статье «Кризис 1911 г. в Петербургском университете в зеркале российской прессы», «либералы испытывают облегчение и позитивные надежды на восстановление status quo, а крайние политические силы – очевидное разочарование» [1, с. 84].

В этом контексте следует обратить внимание на рефлексию событий их непосредственными участниками, на те оценки, которые прозвучали в ходе самого кризиса и повлияли на его рассмотрение в литературе. Отметим, что рефлексия кризиса 1911 г. началась еще до его окончания в статьях прямых или косвенных участников или очевидцев событий. Либеральная часть конфликта (например, В.И. Вернадский, А.А. Кизеветтер, М.К. Тимирязев) представляла его как агрессию правительства по отношению к автономии высшего образования в стране. Правые же (прежде всего В.М. Пуришкевич) возлагали вину за случившийся кризис на профессоров-либералов, которые с их точки зрения являлись пособниками революционного студенчества [2, с. X]. Социал-демократическая партия занимала отдельную позицию, выраженную в работах В.И. Ленина: он приветствовал активизацию студенческого движения, полагая, что оно может стать одним из союзников рабочих в деле свержения самодержавия [3, с. 75; 4, с. 1–3].

Советская историография

В советской историографии кризис высшей школы эпохи Кассо долгое время находились без внимания исследователей. Упоминания событий 1911 г. можно встретить преимущественно в юбилейной литературе, посвященной истории различных учебных заведений. Например, в статье 1927 г. об истории революционного движения в Военно-Медицинской академии говорится, что там студенческие волнения прошли с запозданием и были слабее, чем в других вузах [5, с. 116]. В следующем году вышло издание, посвященное 100-летней истории Технологического института. В нем, в частности, отмечается, что нападки на высшую школу начались еще до прихода Кассо: от институтской администрации стали требовать отчета о внутренней жизни, учебных планах, формировании учебных групп и т.д. Студенческие волнения начались еще в конце 1910 г.: забастовка, организованная студентами в декабре, длилась одну неделю и прошла мирно, занятия возобновились вовремя. В начале 1911 г., во время активизации протестов в Петербурге, на голосовании, проведенном на январской сходке, необходимость забастовки была отвергнута, а повторный созыв сходки провалился [6, с. 170–171]. Отмечается также, что после 1911 г. в институте усиливается влияние студентов-академистов, создаются их корпорации, устав которых, однако не был утвержден администрацией института [6, с. 172].

М.К. Корбут, автор книги, приуроченной к 125-летней годовщине основания Казанского университета,

подчеркивает, что забастовка казанских студентов являлась ответом на разгром Московского университета. Она была организована плохо, т.к. не имела коалиционного органа. Первоначально такой орган был создан на медицинском факультете, но его деятельность не была продуктивной. Автор также отмечает, что Совет университета и представители кадетской партии заступались за студентов, которых предлагали исключить за беспорядки [7, с. 267].

Слабую вовлеченность Новороссийского университета в студенческое движение отмечает в своей статье И.Л. Портной. Так автор характеризует внутреннее положение университета в это время: «В 1911–1912 гг. Новороссийский университет по-прежнему оставался самым реакционным университетом России, где процветали административный произвол и бесчинства правой профессуры» [8, с. 177].

В 1947 г. публикуется статья В.Р. Лейкиной-Свирской, которая стала первой исторической работой, посвященной непосредственно событиям, связанным с кризисом 1911 г. Автор описывает проведение студенческих сходок в Петербургском университете, переговоры профессоров по поводу вывода полиции из университета, а также дает характеристику политическим воззрениям профессуры: «Состав профессуры являлся ярким представительством русской либеральной буржуазии, не только не сочувствовавшей студенческому движению, но борющейся с ним». Тем не менее автор высоко оценивает поступок преподавателей Московского университета, который стал свидетельством «перемены настроения» и общественного подъема [9, с. 151–153]. По мнению Лейкиной-Свирской, в отличие от случая с Московским университетом репрессии против профессоров столичного университета носили выборочный характер – власти пытались избавиться только от отдельных кадров. Отмечается также, что впоследствии уход 130 преподавателей подвергся переоценке со стороны общественности, т.к. качество образования в университете упало, и, как полагалось, этот поступок только навредил делу просвещения [9, с. 156–157].

Похожую критику можно встретить и в работе, посвященной 200-летию Московского университета, вышедшей под редакцией М.Н. Тихомирова. Так, согласно авторам, кадетская профессура, «направляла все свои усилия на духовное растрепывание молодежи и отвлечение ее от политической борьбы» [10, с. 540]. После увольнения, отмечается в работе, многие кадеты, в надежде вернуться в университет, начали объяснять свой уход личными, а не политическими мотивами, надеясь смягчить негативную реакцию на свой поступок. Еще менее лестной характеристики были удостоены профессора, пришедшие на смену «протестантам»: «Взамен ушедших Кассо поспешил назначить в университет своих ставленников – всякого рода мракобесов и реакционеров, как правило, являвшихся полными ничтожествами в научном отношении» [10, с. 541–542]. Непосредственно студенческому движению в работе уделяется мало

внимания, отмечена роль социал-демократической ячейки в поддержании забастовки.

В литературе 50-х гг. короткие упоминания о событиях 1911 г. можно встретить, например, в работах о Харьковском университете [11] и Томском политехническом институте [12].

К.Т. Галкин в монографии «Высшая школа и подготовка научных кадров в СССР», как и его предшественники в изучаемой теме крайне негативно оценивает деятельность Кассо, называя его черносотенцем. Автора интересуют прежде всего меры по отправке научных кадров для подготовки за границу, принятые министром по результатам кризиса. К.Т. Галкин отмечает, что такая мера была направлена в том числе и на «воспитание» более лояльных в будущем преподавателей – при любом неблагоприятном отзыве о стипендиатах, они могли быть отозваны обратно [13, с. 70].

В работе Ю.А. Шилиниса (1961) вместе с пересказом хода студенческих выступлений приводятся суждения относительно политического характера профессоров, которые во многом созвучны с теми, что были высказаны ранее: «Стоявшие во главе университета кадеты, которые прикрываясь революционными фразами, на деле способствовали реакционной политике правительства в области просвещения и боролись против студенческого движения, оказались между двух огней: между министерством и радикальным студенчеством». Вместе с этим автор полагает, что поведение профессоров-кадетов часто было обусловлено указаниями партии, в частности, отмечается, что кадеты вышли из университета в знак протеста против увольнения «кадетской администрации» т.е. ректора А.А. Мануйлова [14, с. 74]. Однако, несмотря на негативную оценку либеральных политических воззрений московской профессуры, разгром Московского университета Ю.А. Шилинис называет «преступлением против русской науки и культуры», возведенным в «ранг государственной политики» [14, с. 77].

З.С. Круглова в своей статье 1964 г. рассматривает студенческие волнения 1911 г. как результат подъема протестного движения в стране, прежде всего в среде рабочих. Рассматривая расклад политических сил, сложившийся в студенческом обществе к 1910-м годам, автор замечает, что политическая разнородность негативно сказалась на забастовке, в ходе которой, например, кадеты начали тяготеть к правым (очевидно, З.С. Круглова имела ввиду общую для них идею – университет вне политики) [15, с. 38]. В дальнейшем приводится оценка результатов протеста различными политическими силами, прежде всего рассматривается реакция РСДРП [15, с. 41–42].

В 1969 г. были опубликованы две работы, касающиеся событий 1911 г. в Казанском университете. В статье Ф. Гарафудинова коротко рассказывается о студенческих организациях, принимавших участие в волнениях: «Объединенная группа социалистов», «Казанский коалиционный комитет медфака» [16]. Юбилейное издание, приуроченное к 150-летию Ленинградского университета и опубликованное под

редакцией В.В. Мавродина, ограничивается лишь упоминанием кризиса и мужественного поступка профессора физико-математического факультета А.А. Маркова, отказавшегося читать лекции после указа 11 января 1911 г., приведшего к вводу полиции в стены университета.

В 1970 г. была издана первая специальная статья о событиях 1911 г. в Московском частном университете им. А.Л. Шанявского. В этом университете, по замечанию автора, из-за демократичных правил поступления (не нужны были аттестаты, справки о благонадежности, документы не проверялись) состав студенчества университета был более радикальным, т.к. многие студенты-революционеры (в т.ч. большевики) специально поступали сюда, чтобы иметь прикрытие для революционной деятельности [17, с. 476–477]. После начала беспорядков, опасаясь закрытия университета, его правление само приняло решение о приостановке занятий с 10 декабря 1910 по 15 января 1911 гг., что, однако, не прекратило студенческие протесты полностью, которые развернулись позднее [17, с. 479]. В 1971 г. вышла работа о роли Шахматова в событиях 1911 г. [18]

С начала 1970-х гг. к правительственным прениям о ситуации в высшей школе обращается В.П. Яковлев: «Размах и значение студенческой забастовки сознательно преувеличивались правительством и правыми депутатами III Думы, которые видели в выступлениях студенчества предвестие новой революции». Автор отмечает, что самодержавие неправильно определило главный источник революционного движения, напрасно набрасываясь на университеты, «революция из которых уже давно ушла в рабочие кварталы» [19, с. 48–49].

Реакции РСДРП на студенческие выступления, посвящена работа В.В. Пешникова. Он рассказывает о запросе думской социал-демократической партии к Совету министров за объяснениями того, как он намерен решать сложившийся конфликт и сохранять автономию университетов. Окончание забастовки студентов, по мнению авторов, завершилось усилением влияния социал-демократов в студенческой среде [20, с. 72–73].

Весомым вкладом в изучение проблематики стала диссертация В.Г. Савельевой, посвященная политике самодержавия в области образования. Так автор ее оценивала: «Университетская политика царизма наглядно продемонстрировала его неспособность справляться даже со своими карательными функциями. Эта неспособность, обусловленная общим сохранением предпосылок нового революционного взрыва в стране, проявилась именно в политике в высшей школе раньше, чем в других сферах, в силу тех субъективных свойств студенческой молодежи, которые делали ее более возбудимой к выступлениям политического характера» [21, с. 12]. Вместе с этим В.Г. Савельева справедливо подчеркивает, что, несмотря на уход из университета, профессора открыто выступали и против студентов-забастовщиков. Их «уход» был прежде всего результатом протеста против полицейского присутствия, а не

солидарности со студенчеством. Характеризуя протесты в целом, автор отмечает, что забастовка 1911 г. – последнее общероссийское студенческое выступление, т. к. в его результате, во-первых, было разгромлено «всякое легальное студенческое представительство», во-вторых, дальнейший протест стал политическим, а не корпоративным [21, с. 12].

В позднесоветской историографии кризис 1911 г. также начал рассматриваться и в контексте биографий наиболее заметных его участников. Так в монографии И.И. Мочалова рассматривается роль профессора В.И.Вернадского в событиях, разыгравшихся в Московском университете, разбираются его статьи, написанные в качестве реакции на кризис. Автор отмечает, что «особенно чувствительный удар был нанесен научной работе Вернадского. Вынужденный уход из Московского университета заставил ученого прекратить начатые уже было эксперименты, обещавшие интересные результаты» [22, с.186–190].

Автор монографии «В.И. Ленин и революционное студенчество» Н.Я. Олесич рассказывает о всемерной поддержке, которую оказывала студентам РСДРП – выступления и запросы в Государственной Думе, статьи в партийных органах [23, с.186–190]. В диссертационной работе Н.Я. Олесич отмечает, что события 1910–1911 г. позволили большевиками осознать, что у левых студенческих организаций нет определенной политической идеологии. В связи с этим В.И. Ленин настаивал на организации в студенческой среде партийного ядра, которое бы наладило связь с демократическим движением в высшей школе [24, с. 36–37].

В небольшой статье 1983 г. В.Г. Савельева и В.П. Яковлев обращаются к описанию студенческой забастовки в Петербургском университете. Авторы обращают внимание на то, что правительство фактически хотело переложить карательные функции на университетские власти, что и вызвало их возмущение [25, с.16]. В заключении отмечается, что забастовка 1911 г. стала последним эпизодом непосредственно студенческого движения, т. к. студенчество стало больше тяготеть к деятельности различных политических партий, а не к защите корпоративных интересов [25, с.19].

В 1983 г. было опубликовано «Управление высшей школой России в конце XIX – начале XX вв.» – одна из первых крупных работ А.Е. Иванова, внесшего значительный вклад в рост исследовательского интереса к проблемам высшей школы в Российской империи. В этой статье автор дает негативные оценки консервативной деятельности министров народного просвещения Кассо и Делянова [26, с.178]. Отношение профессорской корпорации и министерства он оценивает, как конфронтацию, в которой первой удалось добиваться определенных успехов, связанных с возвращением утраченной в 1884 г. автономии.

Коротко кризис 1911 г. упомянут в историографическом обзоре студенческого революционного движения, опубликованном М.В. Борисенко. В качестве наиболее ценных исследований по теме, отмечены

работы В.Р. Лейкиной-Свирской, И.И. Рогозина (о его основной работе речь пойдет ниже) [27].

Большой вклад в изучение студенческого движения начала XX века внесла диссертационная работа М.В. Борисенко (1984). Студенчество автор рассматривает как одного из союзников пролетариата в революционной борьбе наряду с крестьянством и населением национальных окраин. Этот «союз» сформировался в Первую русскую революцию и впоследствии стал оплотом «борьбы революционных масс против третьеиюньского режима». Автор также рассматривает материальное положение учащихся, их бытовые практики и т.д. Для исследования кризиса 1911 г. интересны, приведенные в работе подсчеты количества студенческих акций (12 с февраля до конца учебного года), описание борьбы Совета университета за сохранение своей самостоятельности и т.д. В приложении диссертации опубликованы списки отчисленных за участие в протестной деятельности студентов в 1907–1914 гг. [28, с.14]

Отношение политических партий разного толка (кадеты, эсеры, правые и т.д.) рассмотрены в кандидатской диссертации И.И. Рогозина. Автор обращает внимание, что события 1911 г. начали развиваться еще в конце 1910 г., когда для проведения забастовок созывались Коалиционные комитеты высших учебных заведений из представителей студенческого актива, касс, кружков и землячеств. К концу ноября 1910 г. такой комитет оформился в Петербурге на общегородском уровне [29, с. 86].

Взаимоотношения высшей школы и власти в Российской империи не были обделены вниманием западных исследователей. В работе «Студенты, преподаватели и государство в царской России» С. Кассо отмечает, что студенческая забастовка 1911 г. как и забастовка 1908 г. проходила с «корпоративными» требованиями, которые, однако, совпадали с либеральной программой законного порядка и гарантии персональной неприкосновенности. Левое же студенчество старалось перевести забастовку в политическое русло. При этом, отмечает автор, студенты сами не ожидали такого большого подъема, несмотря на то, что проявили высокий уровень координированности действий [30, р. 354–355].

Последствия кризиса 1911 г. рассмотрены в первой монографической работе А.Е. Иванова, в частности, изменение процесса назначения профессоров [31, с. 230–231], предложенная Кассо программа по подготовке профессоров за рубежом и реакция на нее [31, с. 214–215] и т. д. Так автор расценивает усиление мер по контролю за учащимися: «Это правительственное постановление фактически означало возврат царизма к взгляду на студента как «отдельного посетителя» высшего учебного заведения, лишённого права на осуществление всех видов корпоративной деятельности. Всячески поощрялись лишь студенческие корпорации черносотенного толка» [31, с. 310]. При этом автор часто ссылается на работы В.И. Вернадского, критиковавшего политику министра Кассо с либеральных позиций.

Резюмируя достижения советской историографии в изучении кризиса 1911 г., можно отметить, что углубленные исследования по этой теме появились достаточно поздно – в 70–80-х гг. Такой поздний интерес, вероятно, вызван следующим фактором: студенчество, игравшее ключевую роль в тех событиях, долгое время не рассматривалось как активный участник революционного движения, которое историками раннего советского периода виделось прежде всего, как движение рабочих. Более того, левое студенчество долгое время в вопросах теории или практики было связано с народниками, которые, особенно после «трансформации» в партию социалистов-революционеров, были политическими противниками большевиков. Тем не менее отношение к студентам-революционерам в историографии 1920-х гг. не было негативным. Деятельность участников народнического движения 1870–1890-х гг. рассматривалась как неотделимая часть революционной традиции, приведшей, в конечном счете, к победе Октябрьской революции. Вместе с этим кризис 1911 г. оказался на периферии историографии, во многом потому, что не имел яркого выраженной политической позиции студенчества и не был напрямую связан с рабочим движением.

Согласно сталинистскому «видению» истории русской революции, утвердившемуся в 1930-х гг., и наиболее четко озвученному в Кратком курсе истории ВКП(б), представление студенческого движения было сведено до крайне примитивных и откровенно ложных формул, согласно которым студенты являлись представителями мелкобуржуазного движения, враждебного интересам пролетариата. Такой подход не просто смыл разницу между различными политическими флангами студенчества (от ультраконсерваторов до левых радикалов), но и стал причиной падения исследовательского интереса к теме протестного движения в высшей школе.

За время активного изучения темы в 70–80-х гг. у историков успел сложиться определенный набор акцентов в оценке событий кризиса 1911 г. Очевидно, что оценка тех или иных участников напрямую зависела от степени радикализма, который они проявляли по отношению к самодержавию. Итак, главным участником кризиса, вызывавшим наибольшее сочувствие и поддержку среди ученых, являлось демократическое студенчество, которое достаточно живо откликалось на общественные и политические события в стране и считалось главным противником царизма. Деятельность либеральной профессуры подвергалась критике, прежде всего из-за их отказа содействовать бастующему студенчеству. Тем не менее, поступок московских профессоров, покинувших университет, оценивается достаточно высоко и воспринимается прежде всего как выпад против самодержавия, несмотря на то, что некоторые исследователи подчеркивают, что преподаватели выдвигали чисто корпоративные требования.

Постсоветская историография

В современной российской историографии кризис 1911 г. также получил широкое освещение в трудах историков высшей школы. Однако на данном этапе на первый план вышли сюжеты, не с репрессивной политикой царизма или студенческим движением, как ранее, а с действиями либеральной профессуры.

В работе М.Г. Вандаловской «П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика» упоминается отставка Кизеветтера из Московского университета, а также написанный на него донос по поводу лекции, прочитанной по случаю 50-летия освобождения крестьян [32, с. 95]. В обзорной работе «Высшее образование в России» политика Кассо в сфере высшего образования оценивается как негативная [33, с. 115]. В работе В.М. Кручковой отмечается, что забастовка 1911 г. продемонстрировала растущее влияние социал-демократов в студенческой среде [34, с. 104–105].

Заметный вклад в анализ событий 1911 г. внесла С. Моррисси. Она полагала, что студенты в ходе забастовки пытались заручиться поддержкой политических партий и рабочих, однако им этого не удалось. Вместе с этим требования учащихся были схожи с требованиями профессоров, однако последние всегда демонстрировали свою отстраненность от студенческого протеста [35, р. 208–209]. Профессора полагали, что защита университетской автономии – это дело их, а не студентов. Студенты же отмечали моральное поражение профессоров, которые боролись за автономию, но соглашались читать лекции в присутствии полицейских. Автор, ссылаясь на А.С. Изгоева, отмечает, что у конфликта было три стороны – революция, государство, «stratum of culture» [35, с. 213]. При этом С. Моррисси, соглашаясь с мнением Иорданского, полагает, что после перехода России на западный конституционный путь развития, события 1911 г. стали «трагедией либеральной души».

Среди зарубежных авторов к исследованию кризиса 1911 г. также обращалась в своей монографии 1998 г. Т. Маурер (в 2015 г. одна из глав была переведена на русский язык). Сравнивая протестное увольнение преподавателей Геттингенского университета и Московского университета, автор приходит к выводу, что причиной «исхода» российских профессоров, в отличие от немецких были исключительно академические требования, которые являлись реакцией на нарушение автономии университета [36, с. 131]. При этом московские преподаватели, по мнению Т. Маурер, проявили большое гражданское мужество и большую корпоративную солидарность.

Встречаются в постсоветской историографии и положительные оценки деятельности Кассо, так В.А. Змеев в работе «Эволюция высшей школы Российской империи» подчеркивает, что за три года министру удалось увеличить финансирование высшей школы на 20 % [37, с. 119]. В этом же, 1998 г. была издана работа Н.Я. Олесич, которая в отличие от В.А. Змеева, негативно оценивает поведение правительства в годы кризиса: «Месть самодержавия об-

рушилась прежде всего на Петербургский университет, ибо он стал своеобразным центром передового студенчества России» [38, с. 186].

Авторы предисловия к переизданию работы Л.А. Кассо «Понятие о залоге в современном праве» не могли обойти вниманием его деятельность на посту министра народного просвещения. В тексте признается участие Кассо в «закручивании гаек», однако отмечается, что он действовал в общей волне ужесточения правительственной политики [39].

В 1999 г. была защищена диссертация С.А. Некрылова, посвященная профессорско-преподавательскому составу Императорского Томского университета. Автор крайне негативно оценивает политику Кассо, полагая, что его деятельность завершила процесс упразднения университетской автономии, начавшийся после поражения революции 1905–1907 гг. [40, с. 15.]

На рубеже 1990–2000-х гг. вышел целый ряд работ А.Е. Иванова, посвященные социальной истории российских университетов. Среди сюжетов, связанных с кризисом 1911 г. автора интересовали изменения кадровой политики министерства народного просвещения, которое стало стараться продвигать своих ставленников, а также меры, принятые Кассо для подготовки российских ученых в Германии. При этом автор, как и в работах советского периода негативно оценивает деятельность министра [41–43].

Ю.В. Романов в статье 1999 г., посвященной Кассо, обращает внимание прежде всего на кризис 1911 г. По мнению автора, первоначальной причиной конфликта являлось нарушение университетской автономии, однако в процессе развития событий на первый план вышли политические разногласия между либеральной профессурой и консервативным министерством. Ю.В. Романов отмечает, что конфликт не был решен вплоть до февральской революции, когда руководством народным просвещением занялись многие люди, пострадавшие от политики Кассо [44].

В обзорной работе «История российских университетов» А.И. Аврус приводит пересказ событий кризиса 1911 г. В работе подчеркивается, что один из результатов конфликта заключался в решении министра Кассо отправить некоторых студентов обучаться за границу, чтобы отгородить их от политической деятельности, однако, «правительство поддержало министра лишь частично, чтобы не признавать полную несостоятельность русской высшей школы» [45, с. 87].

Ю.Ф. Иванов – автор работы о кризисе в Московском университете, обращает внимание прежде всего на противостояние министерства и университетской администрации, а также на прения разгоревшиеся внутри нее по поводу увольнения 130 профессоров. Автор полагает, что власти сами способствовали усилению беспорядков, т.к. принимали только репрессивные меры, которые не давали результата [46, с. 165].

В начале XXI века появился целый ряд работ, посвященных М.К. Любавскому, возглавившему Московский университет после его «разгрома». Первой из них стала диссертация Ю.Н. Ермолаева, который,

в частности, отмечает, что после работ, посвященных 200-летию университета, изданных в 1955 г. оценка деятельности Любавского в историографии изменилась с нейтральной на резко отрицательную [47, с. 6]. Автор отмечает, что Любавский не был против ушедших профессоров, он, наоборот, понимал их мотивы и старался вернуть, т.к. основная проблема, с которой он столкнулся, возглавив университет, была нехватка кадров [47, с. 23]. Материалы диссертации Ю.Н. Ермолаева были им опубликованы в виде очерка с тем же названием в издании «Академик М.К. Любавский и Московский университет» (под ред. А.Я. Дегтярева, А.В. Сидорова). В частности, автор отмечает: «кадетская профессура совершила ошибку, думая, что своим уходом она спасет автономию. Разгром и отставки способствовали «поправению» большей части профессоров, состав университета стал более октябристским. Эта часть профессуры поддерживала М.К. Любавского т.к. тот обещал убрать всю политику из университета. Любавский также пытался сгладить конфликты, вернуть часть студентов, не допустить нового исхода преподавателей» [48, с. 162–163].

Затрагивается тема кризиса 1911 г. и в учебном пособии «Российская высшая школа», вышедшем в 2005 г. Главной причиной конфронтации университетских властей и министерства авторы называют не споры вокруг автономии, а разность их политических взглядов: «Неспособность Николая II твердо управлять страной обернулась крайней реакционностью в области высшего образования, что вызвало протест вузовской общественности, обратившейся к опыту немецкого классического университета. Но это был протест русской общественности не против образовательной политики как таковой, а против реакционной образовательной политики тех лет, которая, по сути, отражала агонию самодержавия» [49, с. 297].

В 2008 г. вышла в свет статья Е.Л. Маркова, рассказывающая о том, как различные органы периодической печати отреагировали на «исход» преподавателей Московского университета в 1911 г. Автор подчеркивает, что этот поступок поддержали не только кадеты, но и октябристы. Единственными сторонниками политики Кассо были правые, которые расценивали разыгравшийся кризис, как следствие неудачной политики Столыпина [50].

К исследованию реакции преподавателей Саратовского университета на политику Кассо обратился также В.А. Соломонов. Он отмечает, что с приходом бывшего профессора Кассо во главу МНП, у преподавателей была надежда на спокойное существование [51, с. 117]. В дальнейшем с опорой на переписку дается реакция профессоров на кризис 1911 г. Преимущественно разбираются письма профессора Московского университета физика Д.Н. Зёрнова к сыну – преподавателю Саратовского университета. Отдельно автором рассмотрена политика в отношении преподавателей Саратовского университета и назначение угодных Кассо лиц [51, с. 121].

Роли полиции в жизни Казанского университета того времени посвящена работа И. Гилязова. Автор говорит, что накануне кризиса жандармы якобы обна-

руживают «заговор» профессоров, направленный на внедрение выпускников в ряды полицейской администрации. При этом общее влияние полиции было довольно велико – в 1910–1911 гг. она принимала активные попытки наладить контроль над университетской жизнью [52, с. 522].

В изданной в 2009 г. обширной статье о правительственной политике в области образования А.Н. Дмитриев пишет, что ««разгром», по описанию современников, Московского университета был частью политики усмирения высшей школы и профессорской корпорации как «вдохновительницы» беспорядков, хотя политически позиция университетских советов была на деле весьма умеренной». После 1911 г., отмечается в работе, стала активнее использоваться практика назначения профессоров указом министра (т. е. в обход обсуждения в совете), а также практика отстранения или перевода неугодных профессоров [53, с. 123]. Говоря об опубликованном в «Утре России» письме 66 предпринимателей и политиков по поводу кризиса 1911 г., А.Н. Дмитриев подчеркивает, что по политической позиции профессора были близки не только крупной буржуазии, но и мелкой интеллигенции в провинции (врачи, инженеры, учителя и т.д.) [53, с. 150].

В работах Е.А. Ростовцева, посвященных истории Санкт-Петербургской университетской корпорации, затрагивается ряд важных вопросов, связанных с «кризисом Кассо». Надо отметить, что исследователь рассматривает его не столько как эпизод студенческого революционного движения (хотя эта тема также им поднимается [54, с. 95]), сколько как эпизод противостояния т. н. «мандаринов» с правительственной бюрократией [55]. В частности, автор обращает внимание на то, что первоначально отношения столичного профессорского совета и министерства Л.А. Кассо складывались вполне позитивно, а первые действия министра казались профессорам обнадеживающими в сравнении с политикой предшествовавшего министра А.Н. Шварца [56, с. 479]. Нарастание напряженности в отношениях с министерством началось после событий, связанных с похоронами С.А. Муромцева и Л.Н. Толстого, которую радикальная оппозиция использовала в революционных целях [57, р. 103]. Е.А. Ростовцеву удалось довольно полно реконструировать ход развития кризиса зимой-весной 1911 г. в стенах столичного университета. В частности, на основании широкого круга источников исследователь восстанавливает как подробную фактологическую канву событий, так и процесс формирования особой позиции Петербургского университета в период кризиса. Е.А. Ростовцев показывает, что профессора выступили со сплоченной публичной корпоративной позицией, направленной против т.н. правил 11 января, изданных Советом министров, что, по его мнению, способствовало развитию студенческого протеста. По предположению Е.А. Ростовцева, с началом забастовки, переиграв министра на «бюрократическом поле» профессора столичного университета, фактически закрывают университет на несколько дней, которые администрация университета во главе с ректором

Д.Д. Гриммом использует для выработки стратегии борьбы «за университет». По предположению исследователя суть этой позиции заключалась в организации пассивного сопротивления министерству (вместо решения о демонстративной коллективной отставке как в Москве), в частности, Е.А. Ростовцев указывает на переговоры ректора «через голову министра» с премьером П.А. Столыпиным, фиксирует решения профессорского совета, направленные на «защиту» революционного студенчества от репрессий и отмечает, что эта тактика увенчалась успехом – абсолютное большинство студентов отчисленных из университета благодаря настояниям университетского совета впоследствии смогли в него вернуться [58, с. 613–640].

Е.А. Ростовцев считает, что кризис 1911 г. не только поставил Петербургский университет во главу общероссийской оппозиции высшей школы министерству народного просвещения, но и положил начало длительному личному противостоянию Л.А. Кассо с университетской корпорацией, в ходе которых министр использовал практику т.н. «перевода» неугодных профессоров и назначения на их место лояльных власти персонажей, а Профессорский совет в свою очередь организовал судебный процесс в Сенате против решений министра (случай в российской административной практике беспрецедентный) [59, с. 206–233]. Эти построения Е.А. Ростовцева дополняет его совместная статья с В.В. Андреевой, в которой авторы показывают, что первоначально негативный образ Л.А. Кассо и представления о «кризисе высшей школы» формировались не в либеральной, а в ультраправой печати и лишь впоследствии утвердились в либеральном публичном общественном дискурсе [1].

Можно отметить еще несколько работ 2010 гг., которые в том или ином контексте затрагивали тематику «кризиса Кассо». Например, авторы статьи о положении российской профессуры на рубеже XIX–XX вв. отмечают, что давление на университет началось еще до кризиса 1911 г.: «в январе-феврале 1911 г. административно-полицейский произвол, ставший с 1908 г. в учебном ведомстве нормой, вызвал известную академическую забастовку профессоров и преподавателей Московского университета» [60, с. 52]. В статье М.В. Новикова и Т.Б. Перфиловой о министрах народного просвещения А.Н. Шварце и Л.А. Кассо описаны меры, принятые ими по сворачиванию автономии высшего образования, рассказывается о программе обучения за границей, на которую очень скоро на это перестало хватать денег и число командированных резко сократилось [61, с. 305–306]. В известной антологии, посвященной развитию «университетской идеи» в России (2011, сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов) отмечается, что «кризис 1911 г.» обусловлен тем, что «автономия университетов в это время понималась многими представителями университетской корпорации как фактическая независимость от власти» [62, с. 379–380].

Дополнением изучения кризиса 1911 г. стала монография В.С. Брачева, объединившая предыдущие работы автора по этой теме [63; 64]. В ней со-

держатся, как новые сведения о ходе студенческой забастовки, так и оригинальная оценка известных событий. В работе рассматриваются позиции различных политических партий по отношению к волнениям в высшей школе – сложная позиция была у кадетов, будучи согласными с требованиями выступавших, они считали забастовку несвоевременной. «Взвешенную» позицию, с точки зрения автора, выражали октябристы, полагавшие, что протестами не место в вузах [65, с. 136]. В работе также представлена негативная оценка событий правыми думцами.

Автор подчеркивает, что решение о забастовке было принято легко, т.к. большинство бастовавших были гуманитариями, которым для подготовки к экзаменам было необязательно посещать занятия. В их учебном «распорядке» ничего не поменялось. И в целом постановление о забастовке было нелегитимным, т.к. не было кворума [65, с. 140]. В.С. Брачев отмечает, что протеста введению полиции со стороны профессоров не было, поэтому обструкции со стороны студентов подвергались не только консерваторы, но и либералы.

В.С. Брачев полагает, что отставка преподавателей Московского университета была политическим шантажом, с целью дискредитировать Кассо и добиться его отставки. Но Столыпин встал на сторону Кассо и начал усиливать давление на университеты – т.е. отстранять преподавателей и студентов. Что, с точки зрения автора – справедливо, т.к. без борьбы с профессурой, борьба со студентами была бы обречена на провал [65, с. 161, 165]. При этом поражение забастовки было predetermined с самого начала, т.к. она была организована левыми, и не могла иметь шансов на успех.

Усмирение волнений, пишет в заключении В.С. Брачев, стало результатом, как эффективной деятельности правительства и полиции, так и активизации правых партий и академических организаций. И все это было невозможно без политической воли П.А.Столыпина. Свой «вклад» внесла и либеральная профессура, которая пошла на компромисс с правительством и в своем большинстве согласилась читать лекции в присутствии полиции [65, с. 195].

В 2015 г. была опубликована статья В.М. Грибовского, посвященная политической деятельности либеральной университетской профессуры в начале XX в., в том числе ее конфронтации с министерством Кассо, старавшимся поставить под контроль политические настроения в университете [66].

Таким образом, одной из важных черт постсоветского периода историографии кризиса 1911 г., стало смещение исследовательского акцента с революционного студенчества на либеральную профессуру, которая стала главным предметом изучения этой темы. Именно ее борьба за автономию и столкновения с министерством стали наиболее востребованными сюжетами среди исследователей. Интересно, что впервые с дореволюционной эпохи начинают появляться положительные оценки деятельности министерства Кассо и полиции, которые, по мнению некоторых историков, помогали нормализации

учебной жизни и смогли адекватно противостоять революционной угрозе.

***

Анализируя историографию событий 1911 г. в целом, нужно отметить, что для нее характерен один существенный пробел – фактически отсутствуют работы, подробно рассматривающие кризис за пределами Петербургского и Московского университетов. Практически нельзя назвать работ, как о провинциальных учебных заведениях в Казани, Томске, Одессе и т.д., так и о столичных «неуниверситетских» институтах образования.

Что касается изучения кризиса 1911 г. в двух столицах, то можно говорить о том, что оно достигнуто определенного предела: основные события, связанные с ним, были подвергнуты полноценному и разностороннему исследованию – историками высшей школы была подробно изучена деятельность радикального студенчества, рассмотрены прения внутри университетских советов, исследована реакция правительства и различных политических партий на происходившие события; были введены в оборот самые разные источники – мемуары и переписка, внутренние документы университетов и институтов, правительственные распоряжения и т.д. Разумеется, нельзя отрицать тот факт, что в последнее время появились различные оценки событий и главных действующих лиц кризиса, однако все они носят субъективный характер, т.е. мотивированы не принципиально новым знанием, полученным из нового комплекса источников или при применении иных социологических и исторических подходов, а только отражают личную позицию того или иного автора к описываемым событиям, и, следовательно, не обладают большой научной новизной. Таким образом, современное изучение кризиса 1911 г. по своему характеру мало чем отличается от советской историографии, главные изменения по отношению к ней заключаются только в смещении исследовательских акцентов со студенчества на министерство и профессорско-преподавательский состав. Нельзя также не заметить, что главный характер оценок кризиса (либеральный, социалистический и консервативный) сложился еще в дореволюционный период и с тех пор претерпел лишь незначительные изменения.

Одной из тем, рассмотрение которой поможет принципиально по новому подойти к рассмотрению событий 1911 г. – это экономическая история университетского образования, которая практически никак не освещена в историографии высшей школы. В контексте событий 1911 г. интересно было бы выяснить, насколько повлияло на поведение столичных профессоров списание в феврале 1911 г. остатков бюджета МНП на 1910 г., предназначенного для университета в пользу самого же министерства? Оказал ли влияние начавшийся еще при что министре Шварце конфликт по поводу расходования университетом сумм. [См.: 58, с. 606]. Известны ли другие случаи столкновений экономических интересов выс-

шей школы и правительства? Был ли ощутимым для высшего образования, полученный экономический удар, связанный с массовыми отчислениями студентов, которые неизбежно повлекли сокращение гонораров от лекций?

Вместе с этим интересно было взглянуть на кризис через призму истории повседневности университета – изучить насколько частыми были стычки между студентами и преподавателями до кризиса, и не являлись ли события 1910–1911 гг. их закономерным результатом. Неизвестно также то, как повлияло на настроения петербургских студентов исход профессоров и преподавателей Московского университета, которые в отличие от их учителей решили отстаивать свою гражданскую позицию более решительными методами.

Остается также неизвестным позиция приват-доцентуры по отношению к кризису? Совпадало ли их мнение с представителями профессуры? Учитывалось ли их мнение при принятии решений университетским советом.

Безусловно было бы интересно определить то, как кризис высшей школы соотносился с правительственным кризисом, разыгравшимся в марте-феврале 1911 г. и использовалась ли ситуация в высшей школе представителями правящих элит в ходе политической борьбы.

Обращение только к этим вопросам позволило бы существенно углубить как понимание кризиса 1911 г., так и истории высшего образования империи в целом.

Литература и источники

1. Ростовцев Е.А., Андреева В.В. Кризис 1911 г. в Петербургском университете в зеркале российской прессы // Клио. 2013. №10 (82). С. 77–88.
2. Пуришкевич В.М. Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб.: Рус. нар. союз им. Михаила Архангела, 1914. XVI с.
3. Ленин В.И. Начало демонстраций // ПСС. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. 583 с.
4. Ленин В.И. Не начало ли поворота // ПСС. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. 583 с.
5. А.Ш. Очерки революционного движения в военно-медицинской академии // Юбилейный сборник Военно-медицинской академии. Л.:Военный вестник, 1927. С. 83–116.
6. Технологический институт. Т.1. Л.: Книжный кооператив студентов, 1928. 762 с.
7. Корбут М.К. Казанский государственный университет за 125 лет Казань, 1930. Т. 2. 382 с.
8. Портной И.Л. Студенческое движение в Одесском университете в 1900-1914 гг. // Одесский университет за 75 лет. Одесса, 1940. С. 69–120.
9. Лейкина-Свирская В. Р. Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо // Вестник Ленингр. ун-та. 1947. №4. С.151–158.
10. История Московского университета. / Отв. ред. М.Н.Тихомиров. М.: МГУ, 1955. Т. 1. 1755-1917. – 563 с.
11. Харьковский государственный университет им. А.М.Горького за 150 лет. 1805-1955. Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1955. – 387 с.
12. Матвеев М.И. Из революционного прошлого // Большой путь. Томск: Книжное издательство, 1959. С. 3-22.
13. Галкин К.Т.Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М.: Советская наука, 1958. –176 с.
14. Шилинис Ю.А. К пятидесятилетию протеста Московского университета против политики царизма в области просвещения // Советское здравоохранение. 1961. №5. С. 72-77.
15. Круглова З.С. Студенческая забастовка 1911 г. и ее политическое значение // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. История СССР. М.: 1964. Вып. 8. Т. СXXXV. С. 31-45.
16. Гарафутдинов Ф. Студенты Казанского университета на новом этапе борьбы за свержение царизма (1910 – февраль 1917) // Вестник студенческого научного общества Казанского университета. Общест. и гум. науки Казань, 1969. Вып. 2-3. С.101-106.
17. Воробьев Ю.С. Московский городской народный университет им. Шанявского в революционном движении // Труды Московского историко-архивного института. 1970. Т. 28. С. 474-491.
18. Рабинович М.А. А.А.Шахматов и студенческие волнения в Петербургском университете в 1911 г. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1971. Т. XXX. Вып. 2. С.151-157.
19. Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907-1911) // Вестник ЛГУ. 1972. № 8. Ист., языкозн., лит. Вып. 2. С. 42-50.
20. Пешников В.В. В.И. Ленин и студенческое движение в России. М.: Высшая школа, 1973. 102 с.
21. Савельева В. Г. Политика царизма в вопросах образования в 1905–1911 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. Л.: 1975.
22. Мочалов И.И. В.И.Вернадский (1863-1945). М. Наука, 1982. 488 с.
23. Олесич Н.Я. В.И.Ленин и революционное студенчество. Л.: Политиздат, 1982. 254 с.
24. Олесич Н.Я. Борьба партии большевиков за студенчество в трех российских революциях / Автореф. ... д.и.н. Л.: ЛГУ, 1984. 45 с.
25. Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1983. № 2. Ист., язык, лит. Вып. 1. С. 14–19. С.16.
26. Иванов А.Е. Управление высшей школой России в конце XIX – начале XX в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб. ст. / отв. ред. Л.Н. Пушкарев. MOSCOW: Ин-т истории СССР, 1971. С.176-178.
27. Борисенко М.В. Участие студенчества Петербургского университета в революционном движении в 1907–феврале 1917 г. (историография вопроса) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. Т. 5. С. 136–150.
28. Борисенко М.В. Студенчество Петербурга в 1907-1914 гг.: диссертация ... канд. ист. наук. Л.: ЛГУ, 1984. 14 с.
29. Рогозин И.И. Борьба большевиков с непролетарскими партиями за молодежь 1903 – февраль 1917 гг. / Диссертация... канд. ист. наук. Л.: 1989.
30. Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley: University of California Press, 1989. 438 с.
31. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. М.: Институт истории СССР, 1991. 392 с.
32. Вандаловская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992. 285 с.

33. Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 г. / Под ред. В.Г. Кинелева. М.: 1995. 342 с.
34. Кручковская В.М. Политические настроения российского студенчества: 1905-1917 гг. // Интеллигенция и российское общество в начале XX в. СПб.: С.-Петербург. фил. Ин-тарос. истории, 1996. С. 98-113.
35. Morrissey S.K. Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. 288 p.
36. Маурер Т. «Барометра» или «маятники» общества? М.:РОССПЭН, 2015. 527 с.
37. Змеев В. А. Эволюция высшей школы Российской империи. М.: ЛАТМЭС, 1998. 241 с.
38. Олесич Н.Я. Господин студент Императорского С.-Петербургского университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
39. Ем. В.С., Рогова Е.С. Доктор права – Лев Аристидович Кассо // Кассо Л.А. Понятие о залоге в современном праве. М.: Статут, 1999. С.8-12.
40. Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888- февраль 1917 гг.). / Автореф. ... к.и.н. Томск, 1999. 26 с.
41. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
42. Иванов А.Е. Российское студенческое сообщество в высшей школе Германии в конце XIX – начале XX в. // В кругу учеников, коллег, друзей: [Сб.]: К 70-летию И.П. Ермолаева. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. С. 85–101;
43. Иванов А.Е. Студенческие корпорации конца XIX – начала XX в. Опыт культурной и идеологической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. 408 с.
44. Романов Ю.В. Наука и власть: наследие Л.А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-99». История: сб. тез./под. ред. О.Н. Антипиной и др. М.: Центр социологических исследований и маркетинговых технологий, 1999. С. 76-80.
45. Аврус А.И. История российских университетов. М.: Издат. центр науч. и учеб. программ, 2001. 192 с.
46. Иванов Ю. Ф. Московский университет в 1911 г. // Российские университеты в XVIII – начале XX века. Воронеж, 2002. Вып. 6. С. 164-177.
47. Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К.Любавский / Автореф. ... к.и.н. М.: 2003. 28 с.
48. Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К.Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет. М.: Парад, 2005. С.119-276.
49. Российская высшая школа: Учебное пособие / Е.В.Олесюк. М.: Таганка, 2008. 315 с.
50. Маркин В.Л. «Университетский протест» 1911 года и реакция российского общества // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2009. № 5. С. 10–19.
51. Соломонов В.А. «Устранение собственных –научных сил – факт непостижимо беспримерный в жизни просвещения» (Министр Л.А.Кассо и судьбы русских университетов) // Отечественная историческая мысль в России XIX-XX вв. СПб.: Нестор, 2006. С.117-126.
52. Гилязов И. Город Казань и Казанский университет в начале XX века // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: РОССПЭН, 2009. С.460-583.
53. Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: РОССПЭН, 2009. С. 105-204.
54. Ростовцев Е.А. Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв // Клио. 2011. №4 (54). С.89-99.
55. Ростовцев Е.А. Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С.47-52.
56. Ростовцев Е.А. 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Санкт-Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. С.473-507.
57. Ростовцев Е.А. «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905 – 1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P.75-121.
58. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
59. Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884-1917). Дисс.... д-ра истор. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. Т.2. С.206-233;
60. Иванов А., Кулакова И. Русская профессура на рубеже XIX-XX вв. // Российская история. 2013. №2. С.44-62.
61. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университеты России на рубеже XIX – XX вв.: эксперимент с «чиновниками от просвещения»: (А. Н. Шварц, Л. А. Кассо). // Ярославский педагогический вестник. 2015. №3. С.305-306.
62. Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков. Антология: Учебное пособие для вузов / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. 527 с.
63. Брачев В.С. Студенческие волнения октября–декабря 1910 г. в Санкт-Петербургском университете // Клио. 2013. № 10(82). С. 68–76;
64. Брачев В.С. Студенческая забастовка 1908 г. в Санкт-Петербургском университете // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 54–100 (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века; Т. III).
65. Брачев В.С. Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907-1911 гг. СПб.: Астерион, 2014. 253 с.
66. Грибовский М.В. Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX – начале XX веков // Новый исторический вестник. 2015. № 44. С. 54-71.

References

1. Rostovtsev E.A., Andreeva V.V. Krizis 1911 g. v Peterburgskom universitete v zerkale rossijskoj pressy [The crisis of 1911 in St. Petersburg University in the mirror of the Russian press]. Klio, 2013. No. 10. Pp. 77-88.
2. Purishkevich V.M. Materialy po voprosu o razlozhenii sovremennogo russkogo universiteta. [Materials on the Decomposition of the Modern Russian University]. St. Petersburg, Rus. nar. sojuz im. Mihaila Arhangela, 1914.
3. Lenin V.I. Nachalo demonstracij [The beginning of the demonstrations]. PSS. T. 20.:Moscow,Gospolizdat, 1961.Pp.72-75.

4. Lenin V.I. Ne nachalo li povorota. [The beginning of the change?]. PSS. T. 20.: Moscow, Gospolitizdat, 1961. Pp. 1-3.
5. A.Sh. Oчерки revolyucionnogo dvizhenija v voenno-meditsinskoj akademii // [Essays on the revolutionary movement in the military medical academy]. Jubilejnyj sbornik Voенno-meditsinskoj akademii [Jubilee collection of the Military Medical Academy]. Leningrad, Voennyj vestnik, 1927. Pp. 83-116.
6. Tehnologicheskij institut [Institute of Technology]. T.1. Leningrad, Knizhnyj kooperativ studentov, 1928. 762 p.
7. Korbut M.K. Kazanskij gosudarstvennyj universitet za 125 let [Kazan State University for 125 years]. Kazan', 1930. T.2. 382 p.
8. Portnoj I.L. Studencheskoe dvizhenie v Odesskom universitete v 1900-1914 gg. // [Student movement in the Odessa University in 1900-1914]. Odesskij universitet za 75 let. [Odessa University for 75 years]. Odessa, 1940. Pp. 69-120.
9. Lejkina-Svirskaja V. R. Iz istorii bor'by Peterburgskogo universiteta s ministerstvom Kasso [From the history of the Struggle of the St. Petersburg University with Kasso's Ministry] // Vestnik Leningr. un-ta. [Bulletin of LGU]. 1947. №4. Pp. 151-158.
10. Istorija Moskovskogo universiteta. [History of Moscow University]. M.: MGU, 1955. T.1. 1755-1917. 563 p.
11. Har'kovskij gosudarstvennyj universitet im. A.M. Gor'kogo za 150 let. 1805-1955. [Kharkiv State University for 150 years. 1805-1955]. Har'kov: Izd-vo Har'kovskogo universiteta, 1955. 387 p.
12. Matveev M.I. Iz revolyucionnogo proshlogo [From the Revolutionary Past]. Bol'shoj put' [The Great way]. Tomsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1959. Pp. 3-22.
13. Galkin K.T. Vysshee obrazovanie i podgotovka nauchnyh kadrov v SSSR [Higher education and training of scientific personnel in the USSR]. Moscow, Sovetskaja nauka, 1958. 176 p.
14. Shilinis Ju.A. K pjatidesjatiletiju protesta Moskovskogo universiteta protiv politiki carizma v oblasti prosveshhenija [To the fiftieth anniversary of the protest of the Moscow University against the policy of tsarism in the field of education]. Sovetskoe zdравоохранenie [Soviet health]. 1961. №5. Pp. 72-77.
15. Kruglova Z.S. Studencheskaja zabastovka 1911 g. i ee politicheskoe znachenie [Student strike of 1911 and its political significance]. Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta im. N.K. Krupskoj. Istorija SSSR [Scientific notes of the Moscow Regional Pedagogical Institute. History of the USSR]. Moscow, 1964. Vol. 8. T. CXXXV. Pp. 31-45.
16. Garafutdinov F. Studenty Kazanskogo universiteta na novom jetape bor'by za sverzhenie carizma (1910 – fevral' 1917) [Students of Kazan University in the new stage of the struggle to overthrow tsarism (1910 – February 1917)]. Vestnik studencheskogo nauchnogo obshhestva Kazanskogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. [Bulletin of the student scientific society of Kazan University. Social and Human Sciences]. Kazan', 1969. Vol.2-3. Pp. 101-106.
17. Vorob'ev Yu.S. Moskovskij gorodskoj narodnyj universitet im. Shanjavskogo v revolyucionnom dvizhenii [Moscow City Private University Shanyavsky in the revolutionary movement]. Trudy Moskovskogo istoriko-arhivnogo instituta [Proceedings of the Moscow Historical and Archival Institute]. 1970. T.28. Pp. 474-491.
18. Rabinovich M.A. A.A. Shahmatov i studencheskie volnenija v Peterburgskom universitete v 1911 g. [A.A. Shakhmatov and student unrest in St. Petersburg University in 1911]. Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of literature and language]. 1971. T.XXX. Vol.2. Pp. 151-157.
19. Yakovlev V.P. Samoderzhavie i rossijskie universitety v gody reakcii (1907-1911) [Autocracy and Russian universities in the years of reaction (1907-1911)]. Vestnik LGU [Bulletin of Leningrad State University]. 1972. № 8. History, Linguistics, Literature Vol. 2. Pp. 42-50.
20. Peshnikov V.V. V.I. Lenin i studencheskoe dvizhenie v Rossii [Lenin and the student movement in Russia]. Moscow, Vysshaja shkola, 1973. 102 p.
21. Savel'eva V. G. Politika carizma v voprosah obrazovanija v 1905–1911 gg. [The policy of tsarism in matters of education in 1905-1911.]. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Leningrad, 1975. 19 p.
22. Mochalov I.I. V.I. Vernadskiy (1863-1945). Moscow, Nauka, 1982. 488 p.
23. Olesich N.Ya. V.I. Lenin i revolyucionnoe studenchestvo [Lenin and the revolutionary students]. Leningrad, Politizdat, 1982. 254 p.
24. Olesich N.Ya. Bor'ba partii bol'shevikov za studenchestvo v treh rossijskikh revolyucijah [The Struggle of the Bolshevik Party for Students in Three Russian Revolutions] / Avtoref. ... d.i.n. Leningrad, LGU, 1984. 45 p.
25. Savel'eva V.G., Jakovlev V.P. Studencheskaja zabastovka 1911 g. i Peterburgskij universitet [Student strike in 1911 and St. Petersburg University]. Vestnik LGU [Bulletin of LGU]. 1983. № 2. History, Linguistics, Literature. Vol. 1. Pp. 14–19.
26. Ivanov A.E. Upravlenie vysshej shkoloj Rossii v konce XIX – nachale XX v. [Management of the higher school of Russia in the late XIX – early XX century]. Istoriograficheskie i istoricheskie problemy russoj kul'tury [Historiographic and historical problems of Russian culture]. Moscow, In-t istorii SSSR, 1971. Pp. 176-178.
27. Borisenko M.V. Uchastie studenchestva Peterburgskogo universiteta v revolyucionnom dvizhenii v 1907–fevrale 1917 g. (istoriografija voprosa) [Participation of the students of St. Petersburg University in the revolutionary movement in 1907-February 1917 (the historiography)]. Oчерki po istorii Leningradskogo universiteta [Essays on the history of Leningrad University]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1984. T. 5. Pp. 136–150.
28. Borisenko M.V. Studenchestvo Peterburga v 1907-1914 gg. [Studenthood of Petersburg in 1907-1914] / Dissertacija ... kand. ist. nauk. Leningrad, LGU, 1984. 14 p.
29. Rogozin I.I. Bor'ba bol'shevikov s neproletarskimi partijami za molodezh' 1903 – fevral' 1917 gg. [Bolsheviks struggle against non-proletarian parties for youth in 1903 – February, 1917]. PhD dissertation (history). Leningrad, LGPI, 1989. 35 p.
30. Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley: University of California Press, 1989. 438 p.
31. Ivanov A.E. Vysshaja shkola Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [Higher School of Russia in the late XIX – early XX century]. M.: Institut istorii SSSR, 1991. 392 p.
32. Vandalovskaja M.G. P.N. Miljukov, A.A. Kizevetter: istorija i politika [P.N. Milyukov, A.A. Kiesewetter: History and Politics]. M.: Nauka, 1992. 285 p.
33. Vysshee obrazovanie v Rossii. Oчерk istorii do 1917 g. [Higher education in Russia. An outline of history before 1917]. Moscow, 1995. 345 p.
34. Kruchkovskaja V.M. Politicheskie nastroyenija rossijskogo studenchestva: 1905-1917 gg. [Political moods of the Russian students: 1905-1917]. Intelligencija i rossijskoe obshhestvo v nachale XX v. [Intellectuals and Russian Society at the Beginning of the Twentieth Century]. St. Petersburg, Pp.-Peterb. fil. In-ta ros. istorii, 1996. Pp. 98-113.
35. Morrissey S.K. Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. 288 p.
36. Maurer T. «Barometra» ili «majatniki» obshhestva. [«Barometer» or «pendulums» of society]. Moscow, ROSSPJeN, 2015. 527 p.
37. Zmeev V. A. Jevolyucija vysshej shkoly Rossijskoj imperii [Evolution of the Russian Empire Higher School]. Moscow, LATMJeS, 1998. 241 p.
38. Olesich N.Ya. Gospodin student Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta [Mister student of the Imperial Saint-Petersburg University]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 1998. 207 p.

39. Em. V.S., Rogova E.S. Doktor prava – Lev Aristidovich Kasso [Doctor of Law – L.A. Kasso]. Kasso L.A. Ponjatie o zaloge v sovremennom prave [The concept of pledge in modern law]. Moscow, Statut, 1999. Pp.8-12.
40. Nekrylov S.A. Professorsko-prepodavatel'skij korpus Imperatorskogo Tomskogo universiteta (1888- fevral' 1917 gg.) [The professoriate of the Imperial Tomsk University (1888 – February 1917)]. / Avtoref. ... k.i.n. Tomsk, 1999. 26 p.
41. Ivanov A.E. Studenchestvo Rossii konca XIX – nachala XX veka: Social'no-istoricheskaja sud'ba [Student of Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century: Socio-historical fate]. M.: ROSSPEN, 1999. 414 p.
42. Ivanov A.E. Rossijskoe studencheskoe soobshhestvo v vysshej shkole Germanii v konce XIX – nachale XX v. [The Russian student community in Germany's higher school in the late XIX – early XX century]. V krugu uchenikov, kolleg, druzej [In company with students, colleagues, friends]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2002. Pp. 85–101;
43. Ivanov A.E. Studencheskie korporacii konca XIX – nachala XX v. Opyt kul'turnoj i ideologicheskoy samoorganizacii [Student corporations of the late XIX – early XX century. Experience of cultural and ideological self-organization]. Moscow, Novyj hronograf, 2004. 408 p.
44. Romanov Yu.V. Nauka i vlast': nasledie L.A. Kasso [Science and power: the legacy of L.A.Kasso]. Trudy nauchnoj konferencii studentov i aspirantov «Lomonosov-99». Istorija [Proceedings of the scientific conference of students and postgraduate students «Lomonosov-99». History]. Moscow, Centr sociologicheskikh issledovanij i marketingovyh tehnologij, 1999. Pp. 76-80.
45. Avrus A.I. Istorija rossijskikh universitetov [History of Russian Universities]. Moscow, Izdat. centr nauch. i ucheb. programm, 2001. 192 p.
46. Ivanov Yu. F. Moskovskij universitet v 1911 g. [Moscow University in 1911] // Rossijskie universitety v XVIII – nachale XX veka [Russian universities in the XVIII – early XX century]. Voronezh, 2002. Vyp. 6. Pp. 164-177.
47. Ermolaev Yu.N. Rektor Moskovskogo universiteta M.K.Lubavskij [Rector of Moscow University M.K. Lubavsky] / Avtoref. ... k.i.n. Moscow, 2003. 28 p.
48. Ermolaev Yu.N. Rektor Moskovskogo universiteta M.K.Lubavskij [Rector of Moscow University M.K. Lubavsky]. Akademik M.K. Lubavskij i Moskovskij universitet [Academician M.K. Lubavsky and Moscow University]. Moscow, Parad, 2005. Pp. 119-276.
49. Rossijskaja vysshaja shkola: Uchebnoe posobie. [Russian Higher School: Textbook]. Moscow, Taganka, 2008. 315 p.
50. Markin V.L. «Universitetskij protest» 1911 goda i reakcija rossijskogo obshhestva [«University protest» in 1911 and the reaction of Russian society]. Vestnik Moskovskogo universiteta. [Bulletin of Moscow University]. Series 8. History. 2009. № 5. Pp. 10–19.
51. Solomonov V.A. «Ustranenie sobstvennyh – nauchnyh sil – fakt nepostizhimo besprimernyj v zhizni prosveshhenija» (Ministr L.A.Kasso i sud'by russkikh universitetov) [«The elimination of one's own – scientific forces – a fact inconceivably unprecedented in the life of enlightenment» (Minister L.A. Kasso and the fate of Russian universities)]. Otechestvennaja istoricheskaja mysl' v Rossii XIX-XX vv. [Historical thought in Russia of the XIX-XX centuries]. St. Petersburg, Nestor, 2006. Pp. 117-126.
52. Giljazov I. Gorod Kazan' i Kazanskij universitet v nachale XX veka [Kazan and Kazan University at the beginning of the 20th century]. Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka). [University and city in Russia (early 20th century)]. Moscow, ROSSPEN, 2009. Pp. 460-583.
53. Dmitriev A.N. Po tu storonu «universitetskogo voprosa»: pravitel'stvennaja politika i social'naja zhizn' rossijskoj vysshej shkoly (1900-1917 gody) [Beyond the «university question»: government policy and the social life of the Russian higher school (1900-1917)]. Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka). [University and city in Russia (early 20th century)]. M.: ROSSPJeN, 2009. Pp. 105-204.
54. Rostovtsev E.A. Revoljucionnye kommemoracii v Peterburgskom universitete na rubezhe XIX-XX vv. [Revolutionary Commemorations in the St. Petersburg University at the turn of the XIX-XX centuries]. Klio. 2011. No 4, pp. 89–99.
55. Rostovtsev E.A. Rossijskie mandarinny. Stolichnaja professura, studenchestvo i vlast' v nachale XX veka [Russian mandarins. Metropolitan professors, students and authorities in the early twentieth century]. Rodina [Motherland]. 2010. Special Issue. Education in Russia: Yesterday, Today, Tomorrow. Pp.47-52.
56. Rostovtsev E.A. 1911 in the life of the university corporation (power and St. Petersburg State University) [1911 god v zhizni universitetskoj korporacii (vlast' i Sankt-Peterburgskij universitet)]. Trudy kafedry istorii Rossii s drevnejshih vremen do XX veka. [Proceedings of the Department of Russian history from ancient times to the XX century]. T. III. Saint-Petersburg, 2012. Pp. 473-507.
57. Rostovtsev E.A. Bor'ba za avtonomiju: korporacija stolichnogo universiteta i vlast' v 1905–1914 gg. [The struggle for autonomy: Metropolitan University Corporation and Power in 1905-1914 years]. Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. Pp. 75-121.
58. Rostovtsev E.A. Stolichnyi universitet Rossijskoj imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh v.) [The Capital University of the Russian Empire: Academics, Society, and Power (second half of the XIX – beginning of the XX cent.)]. Moscow, ROSSPEN, 2017. 903 p.
59. Rostovtsev E.A. Sankt-Peterburgskij universitet v kontekste social'no-politicheskoj istorii Rossii (1884-1917) [St. Petersburg University in the context of the social and political history of Russia (1884-1917)]. / Diss.... d-ra istor. nauk. St. Petersburg, 2016. T. 2. Pp.206-233;
60. Ivanov A., Kulakova I. Russkaja professura na rubezhe XIX-XX vv. [Russian professors at the turn of the XIX-XX centuries]. Rossijskaja istorija [Russia history]. 2013. №2. Pp.44-62.
61. Novikov M.V., Perfilova T.B. Universitety Rossii na rubezhe XIX – XX vv.: jeksperiment s «chinovnikami ot prosveshhenija»: (A.N. Shvarc, L. A. Kasso) [Universities of Russia at the turn of the XIX – XX centuries: an experiment with «officials from education»: (A.N. Schwartz, L.A. Kasso). Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Jaroslavl Pedagogical Herald]. 2015. №3. Pp.305-306.
62. Universitetskaja ideja v Rossijskoj imperii XVIII – nachala XX vekov. Antologija. [University idea in the Russian Empire of the XVIII – early XX centuries. Anthology]. M.: ROSSPEN, 2011. 527 p.
63. Brachev V.S. Studencheskie volnenija oktjabrja–dekabrja 1910 g. v Sankt-Peterburgskom universitete [Student unrest in October-December 1910 at the St. Petersburg University]. Klio. 2013. № 10(82). Pp. 68–76;
64. Brachev V.S. Studencheskaja zabastovka 1908 g. v Sankt-Peterburgskom universitete [Student strike in 1908 at the St. Petersburg University]. Kafedra istorii Rossii i sovremennaja otechestvennaja istoricheskaja nauka [The Chair of Russian History and Modern National Historical Science]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2012. Pp. 54–100 (Trudy kafedry istorii Rossii s drevnejshih vremen do XX veka; T. III).
65. Brachev V.S. Studencheskie besporjadki, professorskaja korporacija i vlast'. Sankt-Peterburgskij universitet v 1907-1911 gg. [Students' disorders, professors' corporation and the authority. Saint Petersburg University in 1907–1911]. St. Petersburg: Asterion, 2014. 253 p.
66. Gribovskij M.V. Politicheskaja aktivnost' «levoj» universitetskoj professury v Rossii v konce XIX – nachale XX vekov. [«Left» University Professors' Political Activity in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Novyj istoricheskij vestnik. [New Historical Bulletin] 2015. № 44. Pp. 54-71.